

ДИСКУССИЯ

УДК 94(47).04

СТЕНОГРАММА

Круглого стола «Право Казанского ханства»¹

(Казань, 20 ноября 2015 г.)*

20 ноября 2015 года в Центре исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории АН РТ прошел Круглый стол, посвященный вопросам развития права в Казанском ханстве. Модератором мероприятия был И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова. С докладом на тему «Право Казанского ханства» выступил Р.Ю. Почекаев, д.ю.н., профессор НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург).

В обсуждении доклада приняли участие: И.Л. Измайлов, к.и.н., гл.н.с. Института археологии АН РТ; И.А. Мустакимов, к.и.н., заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при КМ РТ; сотрудники Центра: к.и.н., с.н.с. А.В. Аксанов, к.и.н., с.н.с. Т.Ф. Хайдаров, к.и.н., с.н.с. Э.Г. Сайфетдинова, к.и.н., с.н.с. Б.Р. Рахимзянов, к.и.н., с.н.с. Л.Ф. Байбулатова.

В результате обсуждения удалось не только обозначить ключевые проблемы и наметить перспективы дальнейших исследований, но и выдвинуть оригинальные гипотезы и выработать некоторые методики по их верификации.

Ключевые слова: круглый стол, Казанское ханство, участники, дискуссия.

Для цитирования: Стенограмма Круглого стола «Право Казанского ханства» (Казань, 20 ноября 2015 г.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 648–667.

Миргалеев И.М. Добрый день, уважаемые коллеги. Мы продолжаем наши Круглые столы, дискуссии с приглашенными специалистами. И сегодня тема Круглого стола – «Право Казанского ханства». С основным докладом выступит известный питерский специалист по праву Золотой Орды и тюрко-татарских государств Роман Юлианович Почекаев. Спасибо, Роман Юлианович, что откликнулись на наше предложение. По этой теме мы с Романом Юлиановичем уже говорили года два назад и я рад тому, что он согласился взяться за эту тему. Роман Юлианович уже написал две книги по праву Золотой Орды. Тем более, право в Казанском ханстве по сути и есть золотоордынское право; понятно, оно трансформировалась, но все это происходило на базе именно золотоордынского права. Поэтому в этом аспекте взгляд юриста-исследователя нам очень важен. Доклад Романа Юлиановича называется: «Право Казанского ханства: проблемы и перспективы изучения». Коллеги, вы

¹ Под редакцией И.М. Миргалеева, А.В. Аксанова.

* Место проведения: Конференц-зал Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

уже все заранее получили тезисы его доклада, также в программе выделены нижеследующие вопросы, которые мы предлагаем для обсуждения.

1. Можно ли говорить об особом праве Казанского ханства, или же оно – продолжение права Золотой Орды?

2. Элементы правовой системы:

- правовое наследие Золотой Орды;
- мусульманское право.

3. Основные отрасли и институты права Казанского ханства.

4. Источники права и источники о праве Казанского ханства:

- акты материалы;
- посольские дела;
- свидетельства современников;
- летописи и исторические сочинения;
- шежере, эпос, фольклор;
- нумизматика и эпиграфика;
- правовые обычаи тюрко-монгольских кочевников и народов Поволжья.

5. Нормы и принципы права Казанского ханства в «Казанском царстве».

Вот такие вопросы. Прошу вас, Роман Юлианович.

Почекаев Р.Ю. Спасибо, Ильнур Мидхатович, за приглашение. Тема действительно интересная, я попытаюсь в своем докладе в тезисной форме озвучить проблемы и перспективы ее изучения.

1. Проблемы правоотношений в Казанском ханстве не так часто привлекали внимание исследователей. Отчасти вопросы, относящиеся к данной тематике, затронуты в работах М.Г. Худякова, Ш.Ф. Мухамедьярова (в т.ч. и в статье в соавторстве с И. Вашари), М.А. Усманова, Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, некоторых статьях И.А. Мустакимова, Б.Р. Хисматуллина и некоторых других. Немногочисленность работ, в которых хотя бы отчасти рассматриваются вопросы права Казанского ханства, связана, вероятно, с двумя основными причинами:

1) с тем, что цели его исследования изначально не ставилось вышеупомянутыми специалистами;

2) с отсутствием необходимых источников.

Автор доклада полагает, что следует хотя бы отчасти восполнить этот пробел и предпринять попытку изучения права Казанского ханства. В связи с этим озвучиваются ряд проблем и возможностей.

Безусловно, главная проблема – это вышеупомянутое отсутствие источников, в первую очередь, собственно правовых. До нашего времени сохранился весьма немногочисленный актовый материал эпохи Казанского ханства, из которого к юридическим источникам может быть отнесено фактически лишь два ханских ярлыка (Ибрахима и Сахиб-Гирея).

Однако в распоряжении исследователей имеется немало других исторических источников неюридического характера, которые также при углубленном исследовании могут предоставить информацию, позволяющую сформировать определенное представление об отдельных нормах, принципах, институтах права Казанского ханства.

В первую очередь – это свидетельства современников, в т.ч. дипломатическая переписка, посольские книги и пр. Можно вспомнить мнение В.Е. Сыроечковского, что именно из дипломатических документов можно почерпнуть наиболее объективную информацию о структуре управления того или иного татарского государства, о персональном составе высших сановников и т. п.

Также нередко ценная информация правового характера содержится в летописях и исторических сочинениях. Конечно, следует учитывать, что в большинстве случаев эту информацию нужно использовать с оговорками, поскольку летописные сведения – это субъективная интерпретация событий, содержащая немало искажений и «подгонок» фактов. Однако в ряде случаев в летописях могут приводиться и даже цитироваться (частично или даже полностью) официальные документы, оригиналы которых не сохранились до нашего времени. Естественно, в случае с Казанским ханством это чаще всего – акты дипломатических отношений; однако и они, как отмечено выше, могут содержать ценную информацию правового характера.

Следует уделить большое внимание актам, относящимся ко второй половине XVI в. и более позднему времени, эпохи т. н. «Казанского царства» – преимущественно землевладельческого характера (Д.А. Мустафина, Р.Г. Галлямов). Во-первых, они зачастую отражают основания приобретения и принципы распоряжения землевладениями еще ханского времени; во-вторых (как и в случаях с летописями) в случае земельных споров землевладельцы часто ссылаются на документы, подтверждающие их права на землю также со времен Казанского ханства.

Более специфическим источником являются произведения, относящиеся к эпосу и фольклору. Специфика заключается в том, что по отношению к ним исследователь казанского права не может использовать тот же «позитивистский» подход, который возможен по отношению ко всем вышеназванным типам источников. Прежде всего, нельзя не учитывать, что эпические и фольклорные сюжеты, даже относящиеся к эпохе Казанского ханства, могли возникнуть намного раньше и фактически содержать сведения об особенностях отношений (в т.ч. и правовых) гораздо более ранних периодов истории. Тем не менее, эти произведения нередко содержат весьма ценные сведения, позволяющие понять и реконструировать особенности правосознания и правовопонимания населения Поволжья, в т.ч. и в эпоху Казанского ханства (в частности, пословицы и поговорки, назидательные истории и т. п.).

Специфическим источником являются шежере – традиционные родословные народов Поволжья, также нередко содержащие важную информацию правового характера: о статусе представителей того или иного рода, связанных с ними льготах, привилегиях, владениях и т.п. Однако и эту информацию, как правило, следует оценивать критически, учитывая позднее время версий шежере, дошедших до нашего времени. С учетом особенностей стиля изложения информации, автор сомневается, можно ли выделять такие родословные в самостоятельную категорию источников или же причислить к той же категории, что и произведения эпоса и фольклора.

Еще один особенный источник – сведения этнографического характера о быте населения Поволжья, которое ранее входило в число подданных казан-

ских ханов. Эта информация может пролить свет на такую составляющую правовой системы Казанского ханства как обычное право.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов также и источники, изучение которых осуществляется с помощью специальных исторических дисциплин – данные археологии, нумизматики, эпиграфики. Автору доклада удалось (по его мнению, небезуспешно) использовать подобные сведения в процессе изучения права Золотой Орды; соответственно, есть основания считать, что они могут оказаться полезными и при изучении казанского права – по меньшей мере для уточнения или проверки информации, полученной из источников других типов.

Таким образом, в распоряжении исследователей имеется довольно широкий спектр источников, содержащих определенные сведения о праве Казанского ханства, в т.ч. в источниках, нормах, принципах, особенностях правового понимания и правосознания народов, населявших ханство. Конечно, нужно отдавать себе отчет, что это не означает, что на основе их глубокого изучения исследователи смогут восстановить (реконструировать) правовую систему Казани во всех ее аспектах, в равной степени по отношению ко всем отраслям права и сферам правоотношений. Безусловно, о каких-то из них информации больше, о каких-то меньше, о некоторых – вообще можно лишь строить предположения и гипотезы.

Тем не менее, сам процесс сбора и систематизации информации правового характера из всех вышеназванных источников возможен, более того – представляется важной и актуальной задачей.

Другая возможность в процессе изучения права Казанского ханства (кстати, также отчасти позволяющая решить проблему нехватки юридических источников) – это сравнительно-правовой подход. Есть основания экстраполировать на Казанское ханство наши знания о праве других тюрко-татарских государств, начиная с Золотой Орды (прямым наследником которой являлась также и Казань) и заканчивая Сибирским (в меньшей степени) и Крымским (в большей степени) ханствами. Основание для подобной экстраполяции – тесные связи Казанского ханства с Сибирским и в особенности Крымским (вплоть до правления в Казани представителей их династий).

Еще одно возможное направление исследований – соотнесение выявленных сведений о праве Казанского ханства с канонами мусульманского права, учитывая глубокое влияние ислама на все сферы жизни населения Казани и народов из числа подданных казанских ханов. Соответственно, возникает вопрос о степени взаимодействия права Казанского ханства, унаследованного от Золотой Орды и других чингизидских ханств, с мусульманским правом, вплоть до выяснения, можно ли считать мусульманское право (его нормы, принципы, институты) составной частью правовой системы Казани, как это было, в частности, в Золотой Орде.

В каком-то смысле аналогичным двум предыдущим направлениям представляется и еще одно – изучение влияния на правовое развитие Казанского ханства Московского великого княжества (в первую очередь – получение ответа на вопрос, было ли в принципе такое влияние в правовой сфере подобно политическому влиянию, сомневаться в котором с 1480-х гг. нет оснований).

Важным представляется найти в процессе исследования казанского права ответ на вопрос, можно ли его рассматривать как самостоятельную правовую систему, или же это – просто прямое преемство (использование) права Золотой Орды, всего лишь подвергнувшегося некоторым «адаптациям» с учетом социально-политических изменений в позднем Средневековье и географических особенностей региона. Предварительная наша гипотеза: право Казанского ханства все же является самостоятельной правовой системой, поскольку и географические особенности региона, и политическая ситуация (равно как этническая и религиозная) имели довольно сильное отличие от золотоордынских реалий, и прямое преемство ордынского права, скорее всего, оказалось бы неэффективным.

В заключение следует особо отметить, что такая работа не может быть сведена к индивидуальному исследованию, поскольку требует конструктивного взаимодействия представителей историко-правовой науки и различных исторических дисциплин, в т.ч. востоковедения, архивоведения, возможно – исторической филологии (лингвистики), а также этнологии и религиоведения (исламоведения). Обеспечение единого направления в исследовании столь многочисленных и разноплановых источников возможно лишь в рамках коллективного исследовательского проекта под эгидой специализированной научной организации или ее подразделения. Наиболее подходящим видится именно Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова.

Миргалеев И.М. Спасибо, Роман Юлианович, за интересный доклад и за то, что в нас видите координаторов таких серьезных исследовательских направлений. Издана новая книга Анвара Аксанова именно по Казанскому ханству, в планах есть провести несколько научных мероприятий, также посвященных татарским ханствам, в том числе и Казанскому вилаету. Я думаю, по поднятым сегодняшним вопросам полный список произведения Утемиша-хаджи также даст некоторые сведения. Особенно интересным выглядит сюжет с «поднятием» на трон хана Улуг Мухаммада и его диалог с теми, кто предложил стать ему правителем; вообще, в полном списке Утемиша-хаджи большое место уделено Улуг Мухаммаду. Перевод на русский язык полного списка уже завершен, так что скоро и по правовым сюжетам можно будет использовать этот источник. Коллеги, давайте перейдем к обсуждению и выступлениям.

Хайдаров Т.Ф. Проведенные на сегодняшний момент времени исследования в основном концентрируются вокруг небольшого круга дошедшего до сего дня письменных источников. Между тем, произошедший в последние десятилетия в европейской историографии качественный переход к осмыслению средневекового права позволяет начать уже сегодня переосмысливать накопленный отечественными исследователями опыт в осмыслении данной тематики и начать поиск новых источников для более глубинного понимания. Одним из главных аспектов в понимании законодательства Средних веков и раннего Нового времени, по мнению современных западных историков права, является юридическое закрепление к тому или иному государственному образованию. Подверженное очень сильному изменению не только через несколько поколений, но и на протяжении одной человеческой жизни, средневековое право являлось своеобразным свидетельством культурных измене-

ний того или иного народа, общества, этноса. Исходя из этого можно говорить, что право Золотой Орды прошло как минимум три этапа развития. На первом этапе, хронологически определявшимся серединой 1360-х гг. – 1440 гг., в праве сначала Булгарского улуса и позднее раннего Казанского ханства доминировал местный вариант обще-ордынского закона. На втором этапе (1440–1521), при приходе к власти Улуг-Мухаммада и его потомков, скорее всего, на казанское законодательство стали оказывать влияние традиции Крымского ханства. И наконец, в третий период (1521–1552) большую роль стал играть рецепция османского права. Это было вызвано тем, что, во-первых, казанские правители стремились подчеркнуть принадлежность к исламскому миру. Именно османские султаны, начиная с Сулеймана I, считались халифами. Во-вторых, стремление казанских ханов построить более эффективную систему государственного управления, базировавшуюся, по примеру Османской империи, на большом слое служилой знати и мусульманском духовенстве. Это, в свою очередь, привело к углублению внутривосточного кризиса в ханстве, так как местная татарская верхушка увидела в ханах из династии Гиреев угрозу своим земельным владениям. Восстановлением прав татарских феодалов в соответствии со старым ордынским законодательством при Иоанне Грозном объясняется закрепление русского владычества в Казанском крае.

Миргалеев И.М. Я бы был осторожен с османским влиянием, так как связи с Османской империей все-таки происходили через Крым. В самом Крымском ханстве также не все османское воспринимали. Особенно до середины XVI века. По крайней мере, во время правления активного хана Сахиб Гирея, возможно, на мой взгляд, одного из последних стратегов всетатарского масштаба, османское влияние еще не было таким сильным. Да и сами крымские татары развивались не только под османским влиянием, было влияние и других татарских ханств и даже Сибирского ханства, и даже Ирана. Их тесные связи с кавказскими народами также оставляли некий отпечаток.

Почекаев Р.Ю. В принципе согласен с хронологией существования Казанского ханства и готов распространить ее также и на историю его правового развития. С той только оговоркой, что последний период охарактеризовал бы, скорее, как «крымский», а не османский. В Казани правила крымская династия Гиреев, несомненно, привнесшая в Поволжье некоторые правовые традиции с полуострова. Насчет же влияния османского права согласен с Ильнуром Мидхатовичем: вряд ли оно было сильно в Казанском ханстве. Во-первых, есть сомнения, что оно когда-либо находилось в зависимости от Османской империи (у И.В. Зайцева есть даже специальное исследование на эту тему, причем он использовал весьма красноречивый термин – «мнимый протекторат»). Во-вторых, даже если допустить, что представители крымской династии и могли быть носителями османской правовой традиции, то в самом Крыму она получила распространение гораздо позже. Если не ошибаюсь, широкие рецепции в сфере административного управления и правового регулирования из Османской империи начались в Крыму не ранее, чем при Ислам-Гирее II, т.е. в 1580-е гг., а это – уже после падения Казанского ханства.

Аксанов А.В. Действительно, одними из самых информативных источников при изучении права в Казанском ханстве являются дипломатические

документы. И это, прежде всего, крымские и ногайские посольские книги. К примеру, в письмах ногайских правителей к Ивану IV находим факты, указывающие на попытку внедрения Гиреями новой системы государственно-правовых отношений. Речь идет о послании ногайских мурз 1551 г., где повествуется о действиях Сафа-Гирея, вызывавших протест казанцев. «Год другой спустя», после второго воцарения в Казани (то есть в 1536–1537 гг.) Сафа-Гирей привел «Крымских голодных и нагих» людей и «над Казанскими людьми учал насильство делати»: «У ково отца не стало и он отцова доходу не давал. А у ково брата большого не станет, и он тово доходу меньшому брату не давал». Возможно, здесь говорится о нарушении наследственных прав казанской аристократии и о попытке ввести новые нормы правоотношений, предполагавшие жалование «доходами» только на время службы, без права наследования. При этом, открытым остается вопрос об источниках таких норм: какое это было влияние – крымское или османское – пока сказать сложно. Это можно прояснить с помощью установления соответствий между действиями Сафа-Гирея и правовыми практиками, принятыми в Крыму и в Стамбуле. В тоже время в нашем распоряжении пока нет данных о том, что правовые изменения начались с правления в Казани Сахиб-Гирея, который правил не долго.

Что касается усиления русского влияния на правовую систему Казанского ханства, то не совсем корректно это связывать с событиями 1487 года. Данные официальных летописей и русских дипломатических документов о подчиненном положении Казанского ханства, начиная с этого времени, не согласуются с сообщениями провинциальных общерусских летописей (Новгородская и Устюжская), демонстрирующих независимое положение Казанского ханства в статьях от 1487–1505 годов. Не говорят о зависимом положении Казанского ханства и русско-крымские, казанско-крымские и казанско-литовские дипломатические документы. Нам не известны и указания на существование особых договоров между Иваном III и «казанскими людьми».

Впервые летописи и дипломатические документы указывают на заключение особого договора между великим князем и «казанскими людьми» в 1519 г., при воцарении Шах-Али. Причем о содержании этих грамот ничего не известно; возможно, они оговаривали какие-то особые права Василия III в политической жизни ханства. Впрочем, эти договоренности соблюдались только до 1521 г. Вероятнее всего, эти нововведения и действия Сафа-Гирея вызвали протест у казанской элиты и привели к политическим потрясениям.

Почекаев Р.Ю. Спасибо за ценное дополнение. Я надеюсь, что при более подробном изучении этого вида источников, и в самом деле, удастся обнаружить какие-либо примеры московского влияния на правовое развитие Казанского ханства. Пока же можно сказать, что оно имело место преимущественно в политической и, в крайнем случае, в международно-правовой сфере, тогда как о московских элементах во внутреннем праве ханства сведений не имеется. Кроме того, большой проблемой является то, что до нас дошли лишь русские документы, а акты казанских «контрагентов» по переговорам – также в русском переводе, – и их подлинники не сохранились. Соответственно, очень трудно порой понять, являлись ли какие-то термины и категории (в т.ч. и относящиеся к юридической сфере) новациями для Казанского ханства, или же русские дипломаты и переводчики всего лишь обозначали вполне

традиционные для татарских ханств правовые институты терминами, более понятными для московской «целевой аудитории».

Что же касается изменений в системе правоотношений Казанского ханства, проявившихся при Сафа-Гирее, я бы не стал связывать их исключительно с крымским или османским влиянием в целом, а учел бы и личностный фактор. Например, его решения об изменении права наследования вполне могли быть связаны с тем, что сам он наследовал трон от своего предшественника Сахиб-Гирея, не будучи ему ни сыном, ни братом, а всего лишь племянником. Можно допустить, что, принимая подобное решение, он стремился подчеркнуть и легитимность собственного пребывания на казанском троне. По крайней мере, мне известны аналогичные прецеденты в политико-правовой жизни ханств Средней Азии, также относящиеся к XVI в.

Мустакимов И.А. Доклад Романа Юлиановича по сути представляет собой проект концепции изучения права и правовой системы Казанского ханства. В этом качестве считаю необходимым в целом ее одобрить и поддержать. Несколько частных замечаний и дополнений.

Как справедливо отмечено в выступлении Романа Юлиановича, одной из больших проблем при исследовании истории Казанского юрта является чрезвычайно малочисленность источников. В связи с этим первейшей необходимостью является поиск и введение в научный оборот новых источников по истории Казанского ханства и других татарских юртов. Объективно, прежде всего, это будут русские источники. В первую очередь надо интенсифицировать изучение актового материала, хранящегося в РГАДА и других древлехранилищах.

При публикации источников большое внимание следует уделять их полноценной внешней и внутренней критике, позволяющей установить степень аутентичности, следовательно – информативный потенциал каждого публикуемого документа. К сожалению, в наших казанских изданиях этому аспекту не всегда уделяется должное внимание.

Что касается вопроса о том, следует ли рассматривать право Казанского ханства как самостоятельную правовую систему, или оно являлось простым преемником права Золотой Орды, подвергшегося некоторой адаптации к местным условиям и традициям, то я, в отличие от Романа Юлиановича, считаю более правильным второй ответ. «Казанское право», на мой взгляд, является региональной разновидностью «золотоордынского права». Пожалуй, в Казанском юрте было «больше» шариата ввиду более древнего распространения здесь мусульманства и его большей укорененности в сравнении с теми золотоордынскими регионами, где преобладало кочевое население. В связи с этим мусульманское право безусловно являлось составной частью (может быть, правильнее считать его основой) правовой системы Казани (это мое мнение по поводу еще одного вопроса, поставленного в докладе).

Что касается затронутого Тимуром Хайдаровым вопроса об османском влиянии на правовую систему Казанского ханства, то говорить о таковом, даже учитывая развитость правовой системы государства османов, его мощь и вассальную зависимость от Высокой Порты Крымского ханства (представители династии которого в XVI веке неоднократно занимали казанский престол), вряд ли приходится. Как установлено М.А. Усмановым, османское влияние на делопроизводство Крымского ханства начинает заметно усили-

ваться лишь в период правления Девлет-Гирея I (1551–1577). Едва ли иначе обстояло дело с османским влиянием в сфере права. Тем более, вряд ли это влияние могло доходить до Казани. Конечно, этот вывод не относится к сфере культуры в широком смысле слова.

Почекаев Р.Ю. Спасибо за рекомендацию, хотя, как уже отмечалось, при работе с русскими документами, пусть даже и составленными в эпоху существования Казанского ханства, порой бывает трудно оценить степень аутентичности перевода ряда специальных терминов. Окончательно же дать ответ на вопрос о том, насколько право Казани являлось разновидностью «золотоордынского», можно будет после более тщательной работы с источниками. Мне представляется, что все же отличия были весьма существенны – в первую очередь потому, что Золотая Орда являлась государством имперского типа, и система права была направлена на регулирование отношений и обеспечение равновесия между различными регионами империи. Казанское же ханство на имперский масштаб не претендовало, поэтому многие правовые нормы, принципы, институты и даже целые отрасли, необходимые и широко применявшиеся в ордынских правовых реалиях, просто-напросто оказались невостребованными в Казанском ханстве и «отмерли» сами собой.

Миргалеев И.М. Имперскость в Казанском ханстве думаю была, и была она как продолжение политики золотоордынских ханов. Возьмем хотя бы такие факты: в Казанском вилайете продолжалось золотоордынское право, и его наследие было незыблемым. Казань до конца своего падения продолжала получать часть выхода с Московии, казны-хараджа (поминки). И еще, такие ханы как Улуг Мухаммад, Махмутек, Ибрагим, Сахиб и Сафа Гирей вели активную внешнюю политику, безусловно, со ссылкой в своих притязаниях, в том числе и на золотоордынское наследие.

Рахимзянов Б.Р. У меня к докладчику есть вопросы:

1. На какие единицы в правовом отношении делилась территория Казанского ханства?
2. Какое место в правовой системе Казанского ханства занимали женщины?
3. Можно ли говорить о сословности правовой системы Казанского ханства?
4. Назовите, пожалуйста, прослеживающееся по источникам соотношение мусульманского права, «Ясы» Чингиз-хана и местных правовых норм в Казанском ханстве.

Относительно доклада могу сказать следующее. Представленный доклад – это, на мой взгляд, скорее обзор потенциальных источников, нежели абрис проблематики, причем источников в целом по истории татарских ханств, а не только Казани. Рекомендую в источниковом плане сосредоточить внимание на актовом материале второй половины XVI – XVII вв. Интересным было бы проследить распространение системы права Казанского ханства на иностранных представителей, например, русских послов. Думаю, произведения, относящиеся к эпосу и фольклору, вряд ли помогут автору в раскрытии темы. Напротив, сведения этнографического характера о быте населения Поволжья, которое ранее входило в число подданных казанских ханов, на мой взгляд, могут быть весьма продуктивными при реконструкциях. Возможно, следует использовать сообщения путешественников, если они есть, как источник по

праву Казанского ханства. Если они отсутствуют, то следует задуматься над причинами такового положения вещей.

У меня есть добавление к пункту 15 – «Изучение влияния на правовое развитие Казанского ханства Московского великого княжества». Полагаю, уместно рассмотреть то, как статус Казанского ханства позиционировался в правовом поле Восточной Европы в целом, как его наполнением «играла» Москва, в частности. В этой связи могу сказать следующее.

После 1487 г. Иван III мог непосредственно вмешиваться во внутренние дела Казани и осуществлять определенный контроль над ее внешней политикой. Однако, несмотря на то что баланс сил между двумя государствами стал перевешиваться в сторону Москвы, еще не было свидетельств того, что Казань потеряла свой статус автономного государства. Правильнее будет говорить о колебаниях между независимостью Казани и иногда успешными попытками Москвы установить свое господство над ханством.

Тем не менее, начиная примерно с 1520-х гг., прецедент с Мухаммед-Амином 1487 г. стал рассматриваться московской стороной как точка отсчета для времени, когда Москва приобрела (в ее собственных глазах) право возводить казанских ханов на престол по своему усмотрению. В версии Москвы, с 1487 г. казанские ханы превратились в вассалов московских великих князей и могли всходить на престол только с их согласия. Данная теория, как отмечает Ярослав Пеленски, широко использовалась в отношениях только с третьими государствами (Великое княжество Литовское, Османская империя, Габсбурги). Это неудивительно – татарский позднезолотоордынский мир никогда не принял бы такой трактовки казанской истории. Москва также знала, что это всего лишь дипломатический конструкт, но его длительное практическое использование привело к тому, что в дальнейшем она сама поверила в него.

Само военное завоевание Казани в 1487 г. стало для московских идеологов позже правовым основанием для претензий на ханство как на свой «юрт». Причем прямая ссылка на покорение Казани «саблею» обычно применялась в переговорах с мусульманскими правителями, так как в мусульманском мире прямое военное объяснение не было бесчестным, но, напротив, являлось добродетельным и уважаемым. Однако эти необоснованные претензии противоречили действительности московско-казанских отношений. Их выдвигание свидетельствует лишь о сознательном стремлении Москвы приуменьшить статус Казанского ханства в своих отношениях с соседями. Москва пыталась низвести статус Казани до уровня московского владения, однако на внешнеполитической сцене это не было признано. Имея перед своими глазами пример Касимовского ханства, распространив его опыт на свои «внутренние юрты» (такие как Кашира, Серпухов и др.), Москва стала использовать дипломатические уловки и искусную демагогию для того, чтобы подвести под этот статус «внутренних московских юртов» целые независимые татарские государства. Первым в этом списке появилась Казань – географически она была ближе всего к Московскому государству, и к тому же не обладала впечатляющей военной мощью.

Почекаев Р.Ю. Булат Раимович, не совсем понял первый вопрос: имеется в виду правовое закрепление административно-территориального устройства Казанского ханства или же то, что в разных частях (регионах) ханства могли в большей степени быть востребованы разные источники права?

Рахимзянов Б.Р. Да, я имел в виду второе.

Почекаев Р.Ю. Тогда я трансформирую вопрос в рекомендацию и рассматриваю его как еще одно возможное, интересное и перспективное направление в изучении права Казанского ханства: как в разных частях этого государства доминировали, соответственно, те или иные источники («ханское» право, шариат, обычное право и т.п.).

Насчет роли женщин пока также у нас нет достаточно внятного представления. Источники донесли информацию о статусе представительниц правящего рода – ханш Нур-Султан и Суюн-бике, царевны-регентши Гаухаршад (Горшадна, Ковгоршад). Но это – что касается политической сферы. О месте же женщин в частнопроводных отношениях сведений вообще нет. Но поскольку оно регулировалась обычаями и мусульманским правом, в качестве «рабочей гипотезы» могу сослаться на В.В. Бартольда, который в одной из своих работ писал, что имущественные права женщин в мусульманском мире даже в период раннего ислама регламентировались и защищались весьма четко и скрупулезно – в отличие от их личных и социально-политических прав.

Насчет сословности: Вы имели в виду сословный характер правовых норм? Также пока ничего нельзя сказать с полной уверенностью. Поэтому ограничусь, опять же, гипотезой, что просто представители различных сословий и социальных групп в целом были задействованы в достаточно различных сферах правоотношений, соответственно, и правовые нормы, касавшиеся их, существенно отличались. Впрочем, также рассматриваю Ваш вопрос как предложение еще одного возможного направления в рамках предлагаемого исследовательского проекта.

Что касается степени соотношения различных источников, то могу сказать следующее. Мусульманское право, несомненно, формально являлось доминирующим источником права Казанского ханства, хотя степень соответствия декларируемого приоритета и реального его применения еще предстоит выяснить. Яса Чингиз-хана (если понимать под ней совокупность имперских правовых норм, поскольку я уже неоднократно говорил, что не считаю Ясу неким кодифицированным актом) в Казани однозначно не применялась – по причине уже упомянутого ранее отсутствия имперских претензий со стороны казанских ханов. Обычные правовые нормы, несомненно, применялись в повседневных правовых отношениях в различных регионах и, возможно, даже отдельных населенных пунктах ханства – включая адат, обычаи оседлого населения, обычное право кочевых подданных казанских ханов.

Вопрос о том, с какого момента и в какой степени право Казанского ханства распространялось на иностранцев, в т.ч. и на дипломатов, представляется интересным, тем более, что у нас есть аналогичные сведения о Монгольской империи и Золотой Орде, так что появляется возможность проследить преемственность если не конкретных правовых норм, то, хотя бы, принципов в этом направлении.

Что же касается статуса Казанского ханства на международной арене, думаю, что это направление, Булат Раимович, относится в большей степени к Вашей сфере исследований, хотя если удастся выявить какие-либо международно-правовые аспекты, я был бы рад их рассмотреть – с Вашей помощью.

Миргалеев И.М. Думаю на право как-то могло влиять и военное дело, особенно привлечение ногайцев на военную службу; возможно, именно такая ситуация вывела на первый план ногайских принцесс, Сююмбике, например.

Почекаев Р.Ю. Да, согласен, помимо «постоянных» подданных казанских ханов нельзя не упомянуть и ногайцев, периодически поступавших к ним на службу и оставлявших ее: несомненно, их правовой статус имел свои особенности и регламентировался специальными правовыми нормами.

Сайфетдинова Э.Г. Рассматривая вопросы в отношении права Казанского ханства нужно прежде всего заметить, что статус хана не всегда передавался по наследству от отца к сыну, в ряде случаев, ханом становился избранник элиты; в произведении «Чингиз наме» Утемиша хаджи описывается, что происходил процесс поднятия (выбора) хана (хан күтәру): «Прогнал он Мухаммад-хана и поднял ханом Сеид-Ахмеда, сына Джаббарберди-хана. Мухаммад-хан хитростью взял у Асбай Алтунбая вилайет Казань и стал там ханом. По этой причине до сих пор в казанском вилайете продолжается его род. Сыном Улуг Мухаммад хана был Махмуд хан, его сыном был Халиль хан, его сыном был Ичим хан, Габдуллатиф хан, Мухаммад амин хан» (лист 71). Сам процесс так называемого «поднятия», избрания хана был описан в анонимном «Сборнике летописей», в котором описывался этот процесс избрания хана. Самую существенную часть церемонии составляло поднятие хана вверх, на руках знатнейших чиновников, эта традиция пришла из Монголии, при этом М. Худяков отмечал что она имеет и более древние корни: «Согласно римскому обычаю императора возводили посредством поднятия его вверх (на щите) под возгласы присутствующих» [Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства, с. 185].

Как известно, многие из казанских ханов вообще были слабо связаны с местным краем как по происхождению, так и по воспитанию, поэтому говорить о том, что передача власти осуществлялась строго от отца к сыну, не приходится. Важным было сохранение двух формальных условий: 1) происхождение из рода Чингиз-хана; 2) принадлежность к исламу.

Как нам кажется, огромное влияние на государственные дела имели жены и матери властвующих ханов, да и на избрание ханов (пример – царевна Ковгоршад (династия Улуг Мухамада) была поставлена регентшей Джан-Али). Такая традиция, возможно, исходила из ясы Чингиз-хана, согласно которой жены и матери участвовали во всех крупных государственных событиях, особенно при избрании правителей.

Однако большую важность в изучении права Казанского ханства представляют источниковедческие материалы, которых недостаточно. Художественные литературные произведения Мухамадьяра, Кул Шерифа не несут какой-то конкретной информации, касающейся правотворчества в Казанском ханстве. Содержание литературных сочинений может лишь раскрыть нам атмосферу, царившую внутри ханства, поскольку подобные религиозно-дидактические сочинения назидательного характера творились в беспокойное для государства времена, как и «Нахдж ал-Фарадис», и «Джум-джума султан» в период Золотой Орды.

При включении в список возможных источниковедческих материалов по истории права Казанского ханства важно обратиться к коллекциям рукописных книг, в частности к произведениям по фикху (мусульманскому праву) (в

коллекциях сохранились рукописи XVI – начала XVII вв., составители – ал-Кари (1605), ал-Баркави (1573), ал-Кухистани (1543) и др.). Изучение данных религиозных книг позволит составить более полное представление о базовых источниках мусульманского права, применявшегося в Казанском ханстве.

Миргалеев И.М. Шариат является универсальной системой, и она допускает то, что, если какие-то вопросы не разработаны в шариате и если другие законы не противоречат религии и продиктованы здравым смыслом, то их можно использовать и применить. Поэтому какие-то моменты из Ясы и из обычного права, особенно, скажем, других народов Поволжья, таких как черемисы, могли быть использованы в правоприменительной политике.

Почекаев Р.Ю. Насчет прав на трон, думаю, что Казанское ханство – один из ярких примеров действия на практике принципа о том, что любой Чингизид имел право на трон в любом из улусов бывшей Монгольской империи. Пусть даже в Улусе Джучи этот принцип и распространялся только на самих Джучидов (впрочем, и этот род был достаточно многочисленным и разветвленным).

Я бы очень осторожно говорил об «огромном влиянии» жен и матерей ханов на политические дела. В том же самом Казанском ханстве (как, впрочем, и в других бывших улусах Монгольской империи) нам известны лишь единичные случаи подобного влияния, во многом объяснявшиеся либо личной энергичностью и амбициозностью ханш, либо их родовыми связями с крупнейшими кланами ханства и т.п. У нас слишком мало и информации, и примеров, чтобы трансформировать эти отдельные яркие случаи в общую правовую тенденцию.

Безусловно, я признаю роль мусульманского права в Казанском ханстве и в связи с этим считаю очень важным исследование источников по фикху, тем более относящихся к эпохе Казанского ханства. Однако я намеренно не уделил им достаточно внимания, поскольку сам специалистом по мусульманскому праву не являюсь и ни в коей мере не планирую заниматься его изучением в связи со сложностью и специфичностью темы и отсутствием знания соответствующих языков. Именно поэтому я сразу же отметил необходимость взаимодействия в рамках такого проекта специалистов по истории, источниковедению, истории права, а также и специалистов-исламоведов, без которых составить четкое представление о мусульманском праве в Казанском ханстве (именно как некоем его специфическом «региональном» варианте) совершенно не представляется возможным.

Миргалеев И.М. Искандер Лерунович, вы хотели выступить последним и терпеливо ждали своего часа.

Измайлов И.Л. Следует сказать, что поставленная проблема весьма интересна и требует серьезного внимания. В последний раз этой проблемы исследователи касались системно достаточно давно. Но к чести исследователей Казанского ханства можно сказать только то, что источниковедческая база за последние полстолетия увеличилась отнюдь не в разы. Фактически мы имеем дело с тем же источниковедческим материалом, что и Ш.Ф. Мухамедьяров, чьи взгляды на проблемы земельно-правовых отношений в Казанском ханстве не отвергнуты, а более того сохраняют свою актуальность.

В этой связи хотел бы подчеркнуть, что автор доклада, к сожалению, не владеет источниковедческой и историографической ситуацией относительно

истории изучения Казанского ханства. Это подчеркивают некоторые его замечания: например, он не упоминает в числе ведущих специалистов прекрасного источниковеда, знатока писцовых и посольских книг, замечательного публикатора этих источников, Д.А. Мустафину. Это еще более заметно в связи с тем, что автор все поминает вклад Р.Ф. Галлямова, у которого никакой новизны и авторского анализа в его трудах не было и нет.

Нельзя не сказать, что сама идея обратиться к источникам, несомненно, верная. Но насколько другие виды и типы источников могут заменить собственно юридические документы? У нас есть уже весьма негативный опыт, когда непрофессионал, человек, не имеющий должной источниковедческой и юридическо-правовой подготовки, взялся раскрыть правовую систему Волжской Булгарии на основе косвенных и разновременных источников, используя модель советских учебников по истории государства и права. В результате получилась неудобоваримая каша из обрывков советских мифов о феодализме и бытовых представлений о шариате. При этом вся система получилась ровно по лекалам 50-х гг. XX в., теоретическим паттерном которых она и является. Никакого отношения ни к Булгарскому государству и его правовой системе, а также к современным представлениям об этом средневековом обществе эти штудии не имеют.

В этом смысле следует приветствовать подход Р.Ю. Почекаева, который главное внимание уделил именно источниковедческому оснащению своего труда. Но это условие необходимое, но никак не достаточное. Получился некоторый разлад между заявленной темой и тем введением в нее, которое продемонстрировал автор. Не говоря уже о том, что у меня есть большие сомнения, что все заявленные виды источников одинаково ценны и имеют достаточное обоснование в рамках допустимого. Например, есть сомнения в том, что фольклор, особенно шутки, прибаутки и прочие паремиологические изречения, а также сказки и легенды сильно продвинули нас в этом вопросе. Это все равно, что изучать правовую систему Московской Руси на основе сочинений типа «Шемякин суд» или «Повесть о Ерше Ершовиче». Забавно, интересно, но как эта, с позволения сказать, «правовая культура» коррелирует с реальной судебно-правовой системой Московии – это большой вопрос. У нас уже был негативный опыт, когда некоторые поговорки татарского народа позволяли выстраивать правовую систему Волжской Булгарии. Пока не будет проведено строгое источниковедческое исследование в отношении всей этой паремиологии, говорить о ней, как об источнике для изучения права, бессмысленно, глупо и безответственно. Поскольку, выхватывая отдельные слова, некоторые ретивые авторы выстраивают на основе паремий уже целую систему, не утруждая себя никаким источниковедением.

Точно тоже можно сказать и об этнографии, как пишет наш эксперт, «о быте населения Поволжья». Вопрос, как сведения о жизни и быте татар XIX – начала XX в. позволят судить об обычном праве Казанского ханства, остается без ответа. Неужели автор считает, что, например, жизнь и быт крепостного русского крестьянства отражает русское обычное право эпохи Ивана III? Тогда хотелось бы узнать, какие источниковедческие приемы и методики позволили это сделать? Иными словами, объявить источником для изучения права какого-либо средневекового общества – это, прямо скажем, не бином Ньютона. Но вот провести такое исследование и изучить какую-то систему

источников и получить результат – это, простите, другая проблема, и между ними, как мы все понимаем, «дистанция огромного размера».

Понятно, что в условиях, когда практически отсутствует источниковедческая база, сравнимая с той, что была у исследователя относительно Улуса Джучи, возрастает нагрузка на другие виды источников и на реконструктивную часть исследования. Фактически необходимо выстроить определенную модель государства и права, а потом под эти лекала искать источники, которые бы подтверждали или опровергали ее элементы. Во многом эта работа уже начата и продолжается. Но проблем пока гораздо больше, чем решений. В этом смысле данное выступление весьма показательно – оно фактически подтвердило со стороны, так сказать, независимой экспертизы и человека, ранее несколько далекого от этой темы, что прежние наши исследования имели верную направленность, но упирались, как и наш эксперт, в проблему источников. Но и на этом пути Р.Ю. Почекаев, будучи известным и признанным специалистом по правовой культуре Улуса Джучи и его политической системы, не высказал новых мыслей и не предложил путей, как нам снять наш корабль скептицизма с источниковедческой мели.

Комплексный и системный подход, предложенный экспертом, уже давно освоен и применяется нами, как это было продемонстрировано в целом ряде книг и статей. В нем самом нет ничего нового и прорывного, что не было бы освоено уже казанской наукой. Некоторые пути решения, например, земельно-правовых вопросов были успешно предложены Ф.Ш. Мухамедьяровым и Д.А. Мустафиной. Ничего другого, более интересного и доказательного пока продемонстрировано не было. К сожалению, ситуация не изменилась и после интересного и поучительного доклада Р.Ю. Почекаева. Он продемонстрировал большую эрудицию и источниковедческую подготовку, но пока не предложил новых путей выхода из кризиса.

В этом смысле, выход, думается, есть, но лежит он в плоскости создания новых объяснительных и сравнительных моделей от системы, выстроенной на материалах Улуса Джучи, к местным условиям. Но это, как справедливо подчеркнул в своем заключении автор – предполагаемый коллективный исследовательский проект, т.е. дело весьма далекого будущего.

1. Можно ли говорить об особом праве Казанского ханства, или же оно – продолжение права Золотой Орды?

Ответ на этот вопрос лежит в плоскости понимания того, что было источником права в Улусе Джучи и Казанском ханстве. С одной стороны, мне представляется, что главным источником права в Золотой Орде являлась Яса Чингиз-хана, а с 60-х гг. XIII в. – еще и шариат. Относительно Ясы в Казанском ханстве ничего не известно. Отсюда можно сделать вывод, что правовая система этих государств имела определенные различия. Но, с другой стороны, это, несомненно, была одна общая система, насколько можно судить по единообразию ярлыков Улуса Джучи, как это доказал М.А. Усманов. Иными словами, интерпретировать эту ситуацию можно, по крайней мере, двояко. Вся проблема в недостаточной источниковедческой базе. Отсюда следует, что прежде чем строить догадки о системе права, следует выстроить эту самую систему.

Для этого следует поставить не только источниковедческие вопросы, а еще и методологические и методические. В настоящем выступлении, совер-

шенно справедливо, упор был сделан на источниковедческих проблемах. Но без понимания историографии и сделанных уже предшественниками наработок сделать это будет довольно трудно и даже, допуская, невозможно. Например, проблемы государственного и социального устройства уже нашли отражение в современной литературе. То есть, этот вопрос в определенной степени понятен. Если автор имеет какое-то свое мнение на этот счет, то хотелось бы его выслушать. Это был бы не просто абстрактный, а вполне конкретный разговор. Пока же нам представлен некий абрис серьезного комплексного изучения Казанского ханства в целом. Но без оценки достигнутого, без понимания современного этапа, его сравнения с предшествующими двигаться далее нельзя. В этом смысле, полагаю, что отсутствие серьезного историографического очерка в «Истории татар с древнейших времен. Т.IV. Тюрко-татарские государства XV–XVII вв.» является большим упущением.

2. Элементы правовой системы:

– правовое наследие Золотой Орды

Очевидно, что правовое наследие Улуса Джучи не просто было, но было определяющим. Культура делопроизводства и оформление ярлыков, – все это прямое и недвусмысленное наследие золотоордынской цивилизации, которая, к слову, во многом обогатила и русскую делопроизводственную и государственно-правовую культуру. О чем, кстати, в представленном докладе нет ни слова. Другое дело, формы этого влияния могли быть, и были некие региональные особенности. Но понять и выявить мы их сможем только тогда, когда изучим с одной стороны, источники по теме, а с другой – выясним особенности государственной и социальной структуры Казанского ханства.

– мусульманское право

Мусульманское право в Поволжье имеет долгую историю, начавшись еще в конце IX в., а с X в. став основой болгарской государственности и его права. К сожалению, от этого периода у нас остались довольно отрывочные сведения, скорее косвенного, чем прямого характера. Но и они позволяют говорить о том, что Булгария являлась страной классического ислама с соответствующими институтами, в том числе и шариата. Если судить по комплексу источников, включая выразительные археологические сведения, в обрядовой практике царило полное единообразие и строгость. Относительно Улуса Джучи у нас есть также серьезные основания для того, чтобы считать население Среднего Поволжья в подавляющем своем большинстве мусульманским и констатировать существование типичных правовых институтов. Нет оснований полагать, что в Казанском ханстве было не так. Более того, сам ислам в условиях противоборства с Московией, в том числе и идеологического, не мог не стать более жестким и цельным. Роль сеййидов в Казанском ханстве говорит об этом прямо. Но детали этого процесса скрыты от нас особенностями источников.

3. Основные отрасли и институты права Казанского ханства.

Полагаю, что в Казанском ханстве имелись все основные институты и отрасли права, что и в других средневековых мусульманских государствах. Возможно, что не все правовые нормы были кодифицированы и были скорее государственно-политической традицией, чем писанным правом. Но подобное положение и для развитых стран Европы – Англии и Франции – было предметом дискуссий, а в странах ислама между собой соревновались раз-

личные государственно-правовые традиции. Поэтому отсутствие четко определенных правовых норм никак не свидетельствует о неразвитости или незрелости татарской государственности. Скорее это своего рода традиция и вопрос консенсуса элит и толкования властных прерогатив в пользу того или иного института власти. Здесь требуется конкретный анализ, который должен стать результатом изучения, источников, а не априорных утверждений.

4. Источники права и источники о праве Казанского ханства:

– акты материалы

Актовый материал требует нового серьезного анализа с учетом достижений тюркологии и изучения мусульманского права. В этом анализе нет места для релятивистского, сугубо буквалистского подхода. Требуется серьезное изучение и новая публикация с учетом новейших достижений науки.

– посольские дела

Посольские дела, к сожалению, отнюдь не секрет, изданы плохо и не системно. Требуется новое издание. К сожалению, состояние дел таково, что переиздание всего комплекса источников, особенно Ногайских, Крымских и иных посольских книг, пока не предвидится. Хотя именно это и должно было бы стать основным направлением деятельности Института истории.

– свидетельства современников

Они есть и их много. Но требуются новые усилия по их систематизации и осмыслению.

– летописи и исторические сочинения

Понятно, что это важный и безусловно первостепенный источник в отношении изучения политической культуры и межгосударственных отношений. Проблема только в том, что отечественная историография еще только отходит от ранкенианского и позитивистского подхода к этим источникам. Даже в Москве эти подходы еще не стали определяющими. В этой связи нам нужно говорить о более серьезной проработке методологии летописного источниковедения, а не пускаться в изучение сложной темы, требующей серьезного и системного анализа на грани текстологии, литературоведения и лингвистики. Пока, представляется, что у нас нет такого количества специалистов, чтобы приступить к разработке данной проблемы.

– шежере, эпос, фольклор

– нумизматика и эпиграфика

Свод эпиграфического материала XV–XVII вв. – это насущнейшая проблема, но возможности, к сожалению, очень невелики.

– правовые обычаи тюрко-монгольских кочевников и народов Поволжья

Не совсем понимаю, что такое «правовые обычаи», особенно тюрко-монгольские, и как они могут пригодиться для изучения права Казанского ханства. Но, если они есть, то их следует изучать, объяснив предмет и объект изучения и определив, какие есть допущения в их использовании.

5. Нормы и принципы права Казанского ханства в «Казанском царстве».

К сожалению, данная проблема – это не предмет нашего рассмотрения, а задача будущих исследований. Сначала необходимо определиться с институтами права и их источниками, а затем уже перейти к нормам и принципам. Пока нет единого понимания сущности власти, организации управления, структуры власти и социальной структуры всего татарского общества, нет оснований говорить о таких абстракциях, как принципы и нормы права. По-

лагаю, что в стремлении дать какой-то быстрый результат мы упускаем из виду гораздо более серьезные и фундаментальные проблемы. В первую очередь, это власть, ее структура, организация, ритуалы и символы. Для средневекового государства – это гораздо более важные и серьезные проблемы. Приведу только один пример. Относительно властной структуры Казанского ханства еще десять лет назад было высказано предположение, что хан не являлся ее ключевой фигурой в плане властных полномочий и правил, отнюдь, не как абсолютный владыка, а был сильно ограничен в своих правах правящими кланами, и именно они вершили судьбу ханства. Этот тезис не был опровергнут, но и не стал общепринятым. Скорее наоборот. По традиции, историки, не обременяя себя анализом, продолжают рисовать схемы власти в ханстве, ставя во главу угла хана, как единоличного самодержца. Анализ всей политической истории Казанского ханства показывает, что это совсем не так. Между тем, все известные ярлыки выдавались именно ханами. Что это, дань традиции или есть какое-то противоречие между реальной и символической властью? От ответа на этот вопрос будет зависеть и вся конфигурация правовой системы в этом государстве. Но для ответа на него следует рассмотреть сам институт ханства и его полномочия.

Во вторую очередь, это сама социальная структура общества. Собственно, это для любой средневековой страны краеугольный камень анализа. Понять ее, выяснить ее структуру, означает понять, как функционировало общество и посредством каких механизмов оно самоорганизовывалось.

В третьих, это конфессиональная структура и институты религиозной власти, а также их взаимодействие с государством. Полагаю, что без решения их невозможно будет ни понять, ни изучить все остальные. Тем более такие сложные и производные во многом элементы этой структуры, как право, соотношение обычного и кодифицированного права, соотношение государственного (светского) и религиозного права и т.д. Все эти вопросы пока только поставлены, но не нашли еще должного решения. Поэтому сама постановка проблем изучения правовой культуры Казанского ханства кажется несколько несвоевременной, неким «забеганием вперед», далеко от конкретного материала.

Миргалеев И.М. Искандер Лерунович подготовился. Пожалуйста, Роман Юлианович, есть наверное, что ответить и что прокомментировать.

Почекаев Р.Ю. Искандер Лерунович, как всегда, все очень четко и обоснованно разъяснил и подверг вышесказанное конструктивной критике. В целом, могу лишь согласиться практически со всеми его замечаниями и, в свое оправдание, лишь отметить, что мое выступление представляло собой некий прорыв в изучении права Казанского ханства, а лишь постановку проблемы.

Абсолютно согласен, что со времени выдающихся исследователей Казанского ханства, в т.ч. и правовых аспектов его истории – таких как Ф.Ш. Мухамедьяров и М.А. Усманов – мало что изменилось в отношении источниковой базы, равно как и методов исследования. Однако определенные новые источники все же вводятся в оборот (пусть и не столь многочисленные как хотелось бы!). Кроме того, всегда же можно и на хорошо известные источники взглянуть под новым углом и увидеть в них то, что прежде не казалось

исследователям столь очевидным. Именно в этом я и вижу цель коллективной работы в рамках предлагаемого проекта.

Также полностью разделяю мнение Искандера Леруновича относительно того, что надо понимать, от чего нам следует отталкиваться в изучении права Казанского ханства, какие именно его основы следует изучить.

Соответственно, представляется, что для его успешной реализации необходимо решить две первичные задачи:

1) Тщательно изучить работы предшественников, чтобы четко представлять, что уже сделано и не «изобретать велосипед»;

2) Представить некоторое гипотетическое представление о правовой системе Казанского ханства, выделив наиболее существенные ее структурные элементы. И затем работать с целью, либо подтвердить, либо опровергнуть данное гипотетическое построение – полностью или частично.

Единственное уточнение, которое хотел бы сделать, это – насчет «классического ислама» Поволжье: все-таки, в наиболее распространенном понимании этого термина ислам в Волжской Булгарии классическим являлся лишь на момент его принятия, в первой половине X в. А далее, как раз в этот период, завершался процесс складывания разных мазхабов, формирования автономных или даже фактически независимых региональных государств. Поэтому после этого времени в Поволжье, скорее всего, сложился собственный «региональный» вариант ислама и мусульманского права. Впрочем, это несколько не препятствовало местным государствам активно взаимодействовать с остальным мусульманским миром – и с этой точки зрения, возможно, и есть основания говорить о классическом исламе (уже не с точки зрения точного соблюдения догматов раннего ислама, а в том отношении, что остальные мусульманские страны не сомневались в мусульманстве государств Поволжья и их населения).

Относительно критики источников: конечно же, я в полной мере отдаю себе отчет, что далеко не все источники, упомянутые мной ранее, одинаково ценны и несут информацию, одинаковую с точки зрения отражения права Казанского права. Какие-то содержат более важную и аутентичную информацию, какие-то – более скудную и нуждающуюся в верификации. Тем не менее, в условиях скудного освещения права Казанского ханства, как мне кажется, не стоит пренебрегать никакими из них. Естественно, следствием этого (наверное, это тоже стоило отметить в моем первоначальном выступлении) является то, что мы, скорее всего, не сможем в полной мере осветить все отрасли права Казани – государственное, административное, уголовное, гражданское, процессуальное право. Более того, даже эти термины для обозначения отраслей права и сфер правоотношений я использую весьма условно, поскольку специфика традиционной правовой семьи, к которой в полной мере относилось и право всех тюрко-татарских ханств (включая Казанское), не предполагает столь четкого разделения правовых норм по отраслям и институтам.

Именно для того, чтобы представление о праве Казанского ханства было четким, всесторонним и объективным, и необходимо тесное взаимодействие представителей различных наук и специальных дисциплин, которые бы сотрудничали в рамках единого проекта с общей концепцией.

Миргалеев И.М. Спасибо Роман Юлианович, спасибо коллеги. Думаю тему мы смогли обсудить с разных сторон. Надеюсь, кроме стенограммы мы еще сможем прочитать и статью Романа Юлиановича. Всем удачи.

Поступила 10.06.2016 г.

Принята к публикации 19.08.2016 г.

**TRANSCRIPT OF THE ROUND-TABLE
“LEGAL SYSTEM OF THE KAZAN KHANATE”²**

(KAZAN, NOVEMBER 20, 2015)^{*}

November 20, 2015, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates held a round-table dedicated to issues of law development in the Kazan Khanate. I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates acted as a moderator of this event. Roman Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of Department of Theory and History of Law and State of the National Research University, Higher School of Economics in St. Petersburg, made a presentation on the theme of the “Legal System of the Kazan Khanate”.

The discussion of presentation was attended by: I.L. Izmailov, Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences; I.A. Mustakimov, Cand. Sci. (History), Head of the Academic Use of Archival Documents and International Relations of the Main Archival Administration under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan; as well as by Center staff: A.V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; T.F. Khaidarov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; E.G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; B.R. Rakhimzyanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; L.F. Baibulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow.

The participants of the discussion not only managed to identify the key issues and outline prospects for further research but also put forward the original hypotheses and developed some methods for their verification.

Keywords: round-table, Kazan Khanate, participants, discussion.

For citation: Transcript of the Round-table “Legal System of the Kazan Khanate” (Kazan, November 20, 2015). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 648–667.

Received June 10, 2016

Accepted for publication August 19, 2016

---

² Edited by I.M. Mirgaleev, A.V. Aksanov.

^{*} Venue: Conference Hall of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences.